

Не хочу

Автор:

Ринат Валиуллин

Не хочу

Ринат Рифович Валиуллин

Проза для гурманов

«Не хочу» – это третья часть трилогии «Не», в которую вошли книги «Не складывается – вычитай» и «Не дура». Книга «Не хочу» – простые, понятные истории о том, как в трудные волнительные моменты жизни найти в себе силы, собрать себя из того, что есть, чтобы поднять голову, пересечь черную полосу, бросив все свои страдания и переживания, идти дальше... Как важно научиться любить себя, не подстраиваться под обстоятельства, не терпеть насилия, научиться произносить НЕ ХОЧУ!

НЕ ХОЧУ – два коротких слова, но как трудно порой их выговорить, а все потому, что за ними настоящие чувства и одна единственная жизнь без иллюзий. За ними то, что вы действительно хотите...

Ринат Рифович Валиуллин

Не хочу

© Валиуллин Р., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Эта книга – простые, понятные истории о том, как в трудные волнительные моменты жизни найти в себе силы, собрать себя из того, что есть, чтобы поднять голову, пересечь черную полосу, бросив все свои страдания и переживания, идти дальше по белой.

Сборник рассказов о том, как перестать забивать на себя, подстраиваться, терпеть, при помощи одного только «Не хочу!». Порой его так трудно произнести, а все потому, что за ним настоящая жизнь без иллюзий, настоящие чувства и одна единственная жизнь. За ним то, что вы действительно хотите.

Искренне ваш, В. Ринат

Модель

– Ладно тебе, подумаешь, не позвонил. Знаешь, что на этот счет говорила моя бабушка: Если мужчина не звонит, звони сама... другому.

Таким нехитрым советом Марина пыталась поднять настроение своей коллеге по работе, а может быть, лишний раз вспомнить свою замечательную бабушку, с которой она провела детство.

С детства Марина мечтала стать моделью, как во всякой красивой легенде уехать куда-нибудь в Европу, в Рим или в Париж, жить там впроголодь во время своего становления моделью, жить там на сорок евро в неделю, экономить на еде, давиться макаронами и курицей, страдать, работать какое-то время вешалкой в шкафу, на которую вешают что попало, пока, наконец, в один прекрасный день не достанут из шкафа и не выведут в свет под выкрики «Браво!» на красную дорожку, на глянцевую обложку, махом пристегнув несколько нулей к тем жалким сорока евро.

А пока она работала по-настоящему, уже несколько лет, в магазине одежды продавцом и училась на заочном на дизайнера в Университете Технологии и Дизайна.

Она не была глупа, Марина тешила себя мыслью, что это мнимое модельное счастье стало бы для нее абсолютным кошмаром. Что, если бы кто-то напялил эту шкуру на себя хотя бы на один день, сразу сказал бы: на кой мне нужна такая красная дорожка, я лучше буду ходить по тротуару и спокойней спать, а главное с тем, кого люблю. Потому что шкурка эта едва ли прикрыла бы те самые интимные части души, которые так нуждаются в защите. А все бы только и пялились именно на них, желая заглянуть в подноготную, войти и оставаться там как можно дольше, рассказывая всему миру, что же скрывается под этой наготой. Возможно, именно поэтому она с трудом избавилась от детской привычки грызть ногти. И при малейшем беспокойстве, возвращалась к ней вновь.

Жизнь постоянно отвлекала ее с экрана на чьи-то истории, было в этом проявлением слабости. Надо было срочно писать свою. Ей хотелось помочь чем-то этому миру. Помочь как-то эффектно, чтобы все заметили, оценили и восхитились. Затем превратить эту помощь в некую систему под название благотворительность и этим жить. Творить благо каждым своим шагом, каждым своим появлением.

Ей очень хотелось когда-нибудь пообедать с Орнеллой Мути, просто потому, что та напоминала ей сейчас ее бабушку, Мути еще была жива, а бабушки уже не было. Случилось так, что бабушка и была той самой красной дорожкой, которая провела ее в жизнь. Именно от своей бабушки она узнала, что такое женщина и когда наступает старость. Некоторые казались ей старухами уже в тридцать, другим могло быть за семьдесят, но они жили полноценной жизнью, потому что не боялись стареть и относились к этому запредельно просто. Так или иначе, Марина постоянно примеряла их образ жизни на себя, ей нравилось смотреть на себя со стороны, благо зеркал в магазине, где она работала, было много. Иногда ей хотелось побыть кем-то из клиентов хотя бы один день, а кого-то хватало на мгновение, чтобы крикнуть «чур меня, чур». Иногда она выходила из себя, потом опять возвращалась, ей нравилось быть собой. В этом перевоплощении она и видела свое основное творчество, творчество, которое приближало ее к самой себе.

С детства она любила долго смотреть в зеркало, до тех пор, пока не придет вдруг понимание, что вот там – это я. У нее были брови домиком, в котором она обычно пряталась от невзгод. Драмы, как и у всякой девушки, имели место быть. Одна из них случилась, когда однажды в школе отменили форму, вот тогда она поняла, насколько семья ее бедна. Она не могла стать богатой, сколько не

работай. Потому что все работали над некой красивой формой. Кто бы мог объяснить людям тогда, что если долго работать над содержанием, появится и форма. Ведь до этого я была абсолютно как все. Я следила за своей внешностью, будто шпион, я подглядывала, вынюхивала, пытаюсь разузнать, действительно ли я красива и могу ли я себя таковой считать. В пятнадцать бабушка подарила мне шикарное платье, именно в пятнадцать я поверила бабушкиным словам: Красотка! Я не шучу, в тебе есть эта самая пресловутая красота, о которой многие бояться даже мечтать. Не бойся ее, это наследственное. От этого не уйдешь, но к этому надо прийти. Красота – это хороший бонус, который при рождении дают не всем. Тебе дали. Если ты выйдешь на улицу в этом платье, ты поймешь.

Я шла по улице, чувствуя душевные волны – вау! Это были взгляды мужчин и женщин, юношей и стариков. С тех пор я поверила в свою красоту, если я бродила по своему магазину, оборачивались даже манекены. Элегантные идеальные мужчины холодно смотрели вслед, не решаясь сделать шаг навстречу. Решительности, вот чего, пожалуй, не хватало современным мужчинам. Многие из них так и остались в моей жизни манекенами.

Когда-то меня вдохновляла мужская красота, много позже я разглядела женскую, теперь я точно уверена, что женское тело гораздо красивее мужского. Ноги, грудь, губы. Все знают, как вздымается женская грудь при волнении. Кто-то для этого едет на море, кто-то к любимой. Возможно, дело в том, что красивых женщин значительно больше, чем настоящих мужчин. Женщина больше любит свое тело. Мужчины никак не смогли уяснить, что тело должно быть таким же родным, как и его душа, и любить его нужно точно так же сильно, как жену и дом. Необходимо следить за ним, чтобы оно не теряло форму. Чтобы оно было не только земноводным, но и железобетонным.

В данный момент ее тело было одиноко, спокойно и счастливо, не обремененное никакими связями, ни случайными, ни постоянными, впрочем, все связи в ее жизни были случайными. Одна длиной в два года, случайная, потому что закончилась, не совсем начавшись. Мы ходили в кино ужинали, целовались, приходили к нему. Мне было понятно, как все будет, и, в конце концов, стало приедаться. Встречи, как ночь сурка, они перестали удивлять. Он тоже ощущал, что я начинаю скучать. Из вечера в вечер слово за слово, я оказывалась на четвереньках... Однажды, чтобы придать неожиданности встрече, в процессе он страстно ударил меня по заднице. Удивил? Да! Я обернулась и увидела в его глазах: «Вот что тебе нужно!» Я рассмеялась, я поняла, что это шлепок и был

той самой точкой невозврата: «Нет, не мне, не нужно, в общем, я больше не хочу». Расстались так же легко, как и познакомились, точно так же, как расстается платье с телом перед постелью. Я надела его, снова стала собой и исчезла из его жизни.

С тех пор перестала искать настоящего мужчину: зачем искать то, чего нет. Теперь у меня стало больше времени на личную жизнь, на прогулки, на свободу. Мне, конечно, все еще хотелось, чтобы в жизни времени на такие прогулки практически не хватало, потому что съемки, интервью и банкеты. Но пока этого не было, сегодня я шла по Невскому. Погода стояла чудесная, она стояла и смотрела на меня. Она любовалась мной, я – ею. Была только одна проблема, новые туфли. Правая беспощадно терла, несмотря на цену. Я свернула на Малую Конюшенную, села на скамейку и сняла туфлю. Лодыжка была стерта, и натуральная розовая кожа покраснела от моей крови. Пластыря не было. Я накрыла рану салфеткой.

– Что, стерли?

– Да.

– Красивые!

– Да, новые.

– Я про ноги.

– Спасибо. Я тоже, – отшутилась я в ответ. Я отлично знала, что если у человека нет чувства юмора, то и с остальными беда. У этого чувство юмора было на месте. Да и сам он выглядел приятно. Особенно притягательны были его глаза, в них горел дьявольски привлекательный огонёк, который вырабатывал самое главное свойство человеческой симпатии – энергию. Это была высокая энергия. Было видно, что он не работал над созданием образа спасителя, просто подошел, потому что хотел помочь, потому что у меня красивые ноги, в конце концов.

– Помочь?

- Это вряд ли. Чем вы сможете мне помочь?

- Ну, не знаю.

- У вас есть пластырь?

- Нет.

- Значит, не судьба.

- Да, с такими ногами далеко не уйдешь... Украдут, - снова пошутил незнакомец. Он явно не хотел уходить и обдумывал пути моего спасения. - Могу сходить в аптеку, - достал он свой телефон и начал искать на экране ближайшую. - Полтора километра отсюда есть аптека. Могу сбежать.

- Давайте вместе дойдем.

- А вы сможете?

- Надеюсь, - вставила я обратно ногу в туфлю, предварительно накрыв рану салфеткой.

- Как?

- Терпимо, - сделала я несколько шагов вместе со своим новым проводником.

- Кстати, Александр, можно просто Саша, - улыбнулся мне молодой человек.

- Марина, - ответила я.

- Точно сможете идти?

- Ну, иду же, - постаралась я придать своей походке легкость.

- Я вижу.

– Что еще видите?

– Вижу, что у вас никого нет.

– С чего вы взяли?

– Слишком идеальны, слишком независимы.

– О, нет, не идеальна, – снова начала прихрамывать я. – Особенно сегодня. Чувствую, не дойду. Уже без ног, точнее – без ноги.

Прошли мы около двухсот метров, когда мне снова захотелось опуститься на ближайшую скамейку. Рана кричала, и каждый ее крик отдавался острой болью. Но скамейки уже не было, до аптеки еще далеко, только витрина дорогого обувного магазина, словно издевка, с красивыми туфельками за стеклом. Я оперлась рукой на Александра.

– Ладно, – неожиданно для меня, он подхватил меня на руки и понес.

– Вау! – на автомате обхватила я его шею, будто всю жизнь меня носили так на руках. Думаю, что в последний раз это делал отец. Он подхватывал меня, потом сажал на свои колени. Думаю, что впервые в жизни я осознала, что такое абсолютное счастье, сидя у отца на коленках. Он читал мне перед сном сказки. Когда я просыпалась, он уже уходил на работу, а приходил поздно. Я очень боялась, что в именно в этот день он не вернется, но он всегда возвращался, потому что он знал, как мне нужны были его колени.

Чтобы как-то освоиться в чужих руках, на мгновение я закрыла глаза. Этого было достаточно, что через несколько шагов Саша взлетел вместе со мной по ступеням в обувной магазин.

– Что все это значит, Александр? – улыбнулась я, все еще пытаюсь держать себя в руках, в его руках.

– Просто мне не нравится слово пластырь, какое-то не романтичное. Мне не хочется, чтобы мы потом вспоминали, что знакомство наше началось с пластыря, пусть оно начнется с новых туфель. К черту пластырь, я подарю вам новые

туфли, – усадил он меня на пуфик для примерки обуви.

Тиндер

– Я люблю решительных мужчин.

– Они знают, чего хотят.

– Они знают, чего хочу я.

Ночной ветерок начал трепаться с занавеской о чем-то своем. Та, обольщенная таким вниманием, отвечала ему взаимностью, смущаясь и кокетничая, пытаюсь всячески выразить одну только фразу: «Я не такая». Всякий раз, когда невидимые сильные руки ветра порывисто подхватывали ее стройное тонкое тело, она вырывалась со словами: «Ну что вы себе позволяете?». Каждый из них понимал, что надо решаться, потому что неизвестно, когда еще они смогут так же свободно, непринужденно миловаться. «Вы очень ветреный!» «Я? Что вы?». Окно может закрыться в любой момент, и тогда жизнь разлучит их, сделает далекими, и они не смогут общаться так искренне, сожалея об упущенных возможностях, поглядывая друг на друга холодным стеклянным взглядом. Я вышел на балкон и закрыл за собой дверь. Воздух был приятно отравлен морозом, аж щекотало в носу. Серп месяца поблескивал острым лезвием, хоть вены режь, но донором депрессии быть не хотелось, не мое это, без повода издеваться над своим телом. Стал всматриваться и увидел округлый контур полного лица Луны. Прохлада начала проникать под кожу, захотелось даже что-нибудь накинуть, например, чьи-нибудь объятия. Но они остались где-то в прошлом. Возвращаться не хотелось, к тому же придется будить.

Стою, мерзну дальше. Жизнь – как насилие над самим собой, к нему привыкаешь. Кому-то кажется, что оно даже способно приносить удовольствие, но мы не удовлетворены на все сто, даже на семьдесят, и не будем, иначе не были бы людьми. Какой-то мелочи не хватает, огромной мелочи, величиной с серебряную монету в ночном небе. Я бросаю в лицо Луне окурок, не попадаю, он остается мерцать в пепелище угасающих точек. Посмотрел на часы: поздно.

Поздно смотреть на звезды. Взгляд перебирается на огни менее претенциозные, бытовые. Кто-то еще не спит в домах напротив – луноходы. Гулкие одинокие тени асфальта: кого-то еще по улицам носит – недоноски, по самому дну колодца вымершего двора – подонки. И я, слоняюсь одним из них, из угла в угол – слон-уголовник. Таких не берут в зоопарк, буду гнить в одиночной камере космоса.

Закурил еще одну и увидел напротив, в соседнем доме, еще одного лунохода. Он тоже курил. Мне показалось, что он видит меня. Это мне не понравилось, я выбросил окурок вниз, долго смотрел, как тот кометой устремился навстречу земле. За дверью было тепло, но я продолжал морозить себя, словно хотел отрезвить свою жизнь. Снова посмотрел на соседа через двор, тот будто копируя меня, тоже бросил окурок. Я попытался рассмотреть ночной силуэт и увидел копию вчерашнего себя.

Судьба Прохора была среднестатистична и пятидневна: жена, телевизор, работа. Жизнь. Задолбала. Долбала и жена своей любовью. Она вместе с жизнью стала уже чем-то единым, опостылевшем, родным и необходимым.

Юным Прохора трудно было назвать, ночи его стали беспокойнее и длиннее, гораздо длиннее тех, что в молодости, когда достаточно было закрыть глаза, чтобы скоро увидеть утро. Лицо обветрилось временем и помрачнело от вредных привычек, позвоночник просел, желудок растянулся и выкатился. По ночам не спалось, он выходил на балкон и много курил, кидая окурки в пепельницу неба, где они замирали, тлея мерцающими огоньками. Никого, только он и полное бледности, испитое, с синяками лицо Луны. В сумерках души напрашивался лай. Прохор не любил тишину, потому что она особенно явно давала ему ощутить, как что-то упрямо возилось в хворосте его ребер и пыталось выбраться наружу. Сердце шалило. Его стало много, и оно требовало расширения жилища. Он же, будучи человеком неорганизованным, но тщеславным, не знал, как его успокоить, пил. «Захер я ел этот торт после всего? Теперь весь в сомнениях: себе оставить или наружу? Захер вообще мне такая жизнь?», – думал он, не представляя, как бы ее, жизнь, сделать более осознанной и творческой. Выйдешь на балкон ночью, закуришь, посмотришь на небо. Оно чистое и звездное, только Луна затылком. Ей скучно, соседу тоже стало скучно, и он вернулся обратно в тепло.

Наконец, я тоже очнулся и скользнул обратно в квартиру, вернулся в Тиндер:

- Ты куда пропал?
- Вышел покурить.
- Я тоже себе кофейку заварила. Надоело.
- Что?
- Переписываться.
- Ладно, тогда до завтра.
- Я не об этом.
- А о чем?
- Может, позвонишь, наконец?
- А! Вот я тупой.
- Нет, это я острая.
- Как месяц сегодня.
- Думаешь, уже месяц?
- Да, не меньше, я-то думаю, что он сегодня такой острый. Видимо, время пришло, резать правду-матку.
- Ты еще успеваешь на небо смотреть. Счастливчик.
- Тебе кто мешает.
- Беготня, голову не поднять.

- Не поднимай, можно просто лечь на землю, и смотри ему в глаза, сколько хочешь.
- А ты романтик.
- Намекаешь на роман?
- Надоело.
- Что именно?
- Намекать. Придется приехать.
- Действительно романтично.
- На метро поедешь?
- Нет, на машине.
- На машине не так романтично.
- Точно романтик.
- Нет, сегодня я Прохор.
- Почему Прохор?
- Родители меня так хотели назвать.
- Это была бы совсем другая жизнь. Я хочу сказать, хорошо, что не назвали.
- Почему хорошо?
- Прохор не может быть романтиком.

- Может, но тогда он Прохором быть перестанет.

Марина рассмеялась скобками на экране.

- Ты действительно хочешь, чтобы я приехал?

- Нет, лучше позвони.

- Чем занимаешься? - набрал я ее номер, где улыбка сменилась на удивление.

- Лакирую свою привлекательность.

Голос был приятный, как французский парфюм, мягкий и глубокий. Именно таким я его и представлял, а теперь вдыхал через трубку. Столько времени переписываться, когда можно было просто наслаждаться женским голосом. Современный мир делает нас черствыми, мы уже боимся звонить, даже чтобы поздравить, голос - это слишком тактильно, слишком лично, слишком страшно. Текст совсем другое дело - написал, вроде как отписался, дело сделано и можно дальше заниматься собой.

- В красный?

- Откуда ты знаешь? - удивилась она в трубку.

- Хочешь, еще расскажу!

- Жажду!

- Губы покрасила красным, чтобы закрасить места поцелуев. Навела тени, загладила кремом усталость воспоминаний.

- Кошмар, ты за мной следишь?

- Потом подвела глаза, чтобы те тебя никогда больше не подводили. Тушью стерла с ресниц пыль разочарований. Расческой поправила волосы, разглаживая фибры души. Сомнения рассеяла окончательно духами. Улыбнулась, оставив

уныние зеркалу, и собралась выйти на улицу к новым цветам и поклонникам.

- Вау! Да ты волшебник! Не хочешь стать моим поклонником?

- У меня цветов нет. Да я и старше тебя и не такой красивый.

- Не напрашивайся на комплимент. Со мной тебе совсем не обязательно быть красивым, со мной тебе достаточно просто быть. Правда, я про тебя совсем ничего не знаю. Может, расскажешь что-нибудь?

- Это долго.

- Хотя бы чуть-чуть.

- Ладно, - стоял я посреди комнаты в одних трусах. - Слушай: Жил-был человек, - подошел к зеркалу и начал кривляться с трубкой в руке. - Квартира его была настолько маленькой, что он жил в кровати, кухня его была настолько крохотной, что он завтракал в холодильнике, в душе ему было так скучно, что он лез в чужие. Ты еще не уснула? - спросил я Марину.

- Нет, очень интересно, продолжай.

- Взгляд его был настолько недальновидный, что он опирался на чужие точки зрения. Мозг его был настолько крошечный, что он пользовался чужим мнением, настроение его портилось так быстро, что он хранил его в морозилке...

- Ты чего замолчал?

- Я думаю. Как бы он ни пытался научить говорить свое имя, оно не говорило ни о чем. Как бы он ни представлял, он не представлял собой ничего. Он был настолько одинок, - посмотрел я на себя в профиль, - что не воспринимал людей, он был настолько не сдержан, что все время держался за телефон, чтобы не натворить. Мир его был настолько внутренним, что остальное время он проводил в виртуальном. Жизнь его была настолько логична, что он чувствовал себя встроенной деталью. Жила-была деталь, которая не знала, как ей стать человеком.

– Это же про меня, – через несколько секунд молчания произнесла Марина. – У меня никогда не получалось жить ради всех. Поэтому я жила ради одного человека.

– Ради себя?

– Ради него.

– Это не скучно?

– Это больно. Ненавижу нерешительность. Времени в жизни все меньше, а ее в людях все больше.

– Ты что не любишь людей? – поменял я руку и ухо, потому что не было навыков так долго висеть на телефоне.

– Дело не в том, что я не люблю людей. Просто мне достаточно одного. Достаточно было одного, но я так больше не хочу.

– Что значит, не хочу?

– Стой на месте, я приеду сама.

Гороскоп

– Что ты будешь делать, если я завтра уеду?

– Скучать.

– А еще?

– Сильно скучать.

– А потом?

– А потом скучать будешь ты.

– Я?

– Что, не будешь?

– Буду, буду, буду, только не бросай меня в терновый куст.

– Ладно, на травку, устроит? Иногда просто необходимо лечь на травку, чтобы почувствовать лето, – вдруг остановилась она посреди ночи.

– Чтобы почувствовать себя частью вселенной, – положил я гитару на землю и сел рядом.

В ночном воздухе пахло теплой травой, медом и молоком. Запахи полевых цветов смешались в одном хороводе и уводили куда-то в детство, в деревню, к бабушке, где я проводил свое огромное лето.

– Большой, – рассмеялась она, рухнув в мои объятия.

– Очень большой, – добавил я, поймав ее.

– Ты про меня?

– Про себя.

– Не будем о грустном, – поцеловала она меня.

– Не будем, – впился я в ее губы, а руки мои текли по ее телу. Ее звали Арина. Ей было двадцать на вид и двадцать на вкус, яркое, легкое, молодое вино, от которого трудно оторваться. Я познакомился с ней на одном из своих многочисленных концертов. После концерта она каким-то образом проникла в мою примерку, а потом и в мою жизнь.

- Кстати, куда ты завтра собрался? - оторвалась от меня она.

- Как обычно, на гастроли.

- Надолго?

- Не знаю, пока на недельку.

Чтобы набрать воздуха для нового поцелуя, мы взяли передышку, откинулись на землю и уставились в небо.

- Разбираешься в звездах? Вот эта, яркая, как называется?

- Это не звезда, это планета. Звезды, они мерцают, а у планет свет постоянный, как у лампочки.

- Понятно! А эта?

- Звезду не помню, вроде созвездие Девы.

- Сразу видно, любитель женщин.

- Да, я люблю вас!.. Арина, - добавил я имя после паузы.

- Красиво и безответственно.

- Ну почему безответственно?

- Уходишь от ответа.

- Всё - чистая правда! Я люблю женщин, нет никаких исключений. Потому как только вас природа одарила такой грудью, такими бедрами, талией и таким теплом. И не надо этого скрывать. Я считаю, женщина должна оставаться женщиной, дышать, ходить, говорить, но как можно меньше вздыхать, как женщина... Всякое переутомление, усталость отрывает у нее по кусочкам женственность. И вот здесь самое время появиться мужчине! Взять на себя эту

усталость, снять ее, как рукой, сильной верной рукой, – провел я своей рукой по темному небу.

После этого монолога, некоторое время мы лежали молча, в полной темноте на Земле, которая еще не остыла от дневного солнца. На высоте вытянутой руки над нами мерцали звезды. Они смотрели на нас, подмигивая холодными взглядами.

– Потрясающе, – выдохнула она.

– Кого бы попросить потрясти, чтобы увидеть, как падают звезды.

– Никогда не видела, как падают звезды?

– Нет, ни разу.

– Видимо, редко смотришь на небо. Ну, так что, потрясти?

– Может, не надо. А то такое начнется. Все выбегут, займут все полянки. Звезде будет некуда упасть.

– Хочешь сказать, неудобно будет целоваться.

– Точно, – прильнула ко мне она и мы поцеловались.

– А звезд не стесняешься?

– Смотреть на звезды – уже секс.

– Как мало тебе надо.

– Да, но желательно все и сразу.

– А что мешает?

– Все и сразу, – рассмеялась она. И мы снова утонули в долгом поцелуе.

- Голова кружится.
- Не голова, Земля. Ты в курсе, что она крутится вокруг Солнца.
- То есть по кругу?
- Ну да.
- Значит, у нас никаких перспектив.
- Никаких... Потому что Земля лучшая из всех остальных планет.
- Говоришь, будто побывал на всех планетах, - пошутила она.
- Да, я бывалый.
- Ну и как там?
- По-разному.
- Ты имеешь в виду климат?
- Можно и так сказать, есть райские, есть адские. Конечно, все хотят попасть на райские планеты, чтобы всю жизнь наслаждаться.
- Запретными плодами?
- Ах вы, грешница... результатами своих хороших поступков.
- Мне кажется, у меня нет шансов.
- Да, все нечестивцы, неизбежно попадают на адские планеты и понесут наказание, соответствующее их грехам, - снова поцеловал я ее. Праведники же отправляются на райские планеты.

- Тяжело быть праведником.

- Не печалься, - улыбнулся я в темноту. - Рано или поздно и праведники, и грешники, вкусив плоды своих благочестивых или греховных поступков, возвращаются на Землю.

- Это точно, ощущаю всем телом, мы на Земле, на травке, какая приятная материя.

- В материальном мире живое существо без конца переселяется из одного тела в другое, путешествуя по разным планетным системам. Те, кто находится в гуне благодати, поднимаются на райские планеты. а те, кто погряз в невежестве, падают в ад. При этом и те, и другие вынуждены снова и снова рождаться и умирать. Даже необычайно праведные души, вкусив райских наслаждений на высших планетах, вынуждены будут вернуться на Землю. Иначе говоря, путешествуя с планеты на планету, мы не решим основных проблем жизни. Я так же буду искать идеальный звук. Ты, не знаю, что будешь делать ты?

- Искать идеального мужчину.

- Что ты этим хочешь сказать?

- Вдохновлять тебя, - рассмеялась она.

- Ты знаешь, я ошибался, ты близка к совершенству.

- Неужели?

- Ты же муза. А проблему может решить только тот, кто избавился от необходимости воплощаться в материальном теле. Вот совершенство жизни и подлинное решение всех проблем. Нет никакого смысла стремиться на высшие, райские планеты, так же, как и нет смысла совершать поступки, за которые мы потом попадем в ад. Материальный мир создан вовсе не для этого. Его предназначение - помочь восстановить знание о своей изначальной, духовной природе

- Ого, как высоко ты завернул.

- Я вижу, все еще сомневаешься?

- Да, я любопытная.

- Хочешь начать прямо с самого начала?

- Очень.

- Видишь Луну?

- Вижу.

- Что ты о ней знаешь?

- Это спутник Земли.

- Так вот, мое детство прошло в Спутнике.

Полярное сияние

Представь: полярная ночь и северное сияние, высоченные сугробы и огромные звезды, гораздо больше чем сейчас. Мороз -40 , пахнет снегом и звездами. Они притягивали. Мне с детства хотелось обладать таким же притяжением. Я не знал как, но что-то мне подсказывало, что так и будет, стоило только мне оказаться в этом городке.

Север я полюбил с первого взгляда. Мы всей семьей – мама, отец, брат, сестра и я приехали ночью. Было светло, как днем и в три часа ночи дети играли в песочнице. Я лазил по сопкам и скалам, вокруг озера днями и ночами, отличить дня от ночи я не мог. Спал урывками. В голове постоянно крутилась музыка, которую я не слышал прежде. Приходил домой и записывал ее на ноты. До меня не сразу дошло, что эти волшебные мелодии, какими они мне казались,

придумал я сам. Там весна журчала в каждом звуке, таял снег, день становился длиннее. Здесь за Полярным кругом это было очень важно. Тот, кто здесь никогда не был, не поймет, насколько это было важно. Когда полярной зимой день начинался в 10.00, а в 14.00 уже темнело. Одни жили здесь из-за северных, из-за ранней выслуги лет, другие просто были романтиками с большой земли.

Пришла осень, а я пришёл в новую школу в шестой класс. Она была в восьми километрах от нашего гарнизона морской пехоты в Печенге. Школа № 5. Я удивлялся, где остальные четыре. Ничто к этому не располагало. Вскоре меня выбрали председателем совета отряда, то есть главным в классе. Так происходило и в предыдущие пять лет учебы в разных школах

В десять лет мое представление о рае было сыграть на настоящем Фендере-стратокастере с тремоло или вибратором, как мы его называли. Тянуть эту штуку как удовольствие, на электрогитаре, то опуская, то поднимая общий строй. Руководить настроением толпы, которая уже подрастала где-то на полях общей тетради с нотами, баре и текстами моей музыкальной жизни.

Отец служил в воинской части полковником, я частенько заходил туда после уроков к своим новым друзьям. Сын полка – так меня прозвали ребята, которые служили в полковом оркестре.

Конечно, они мечтали собраться после службы, в один ВИА и играть на дискотеках, а может быть, даже на сольных концертах. Пока же это был оркестр, который играл на всех похоронах полка?. Так как полк был большой, постоянные учения и стрельбы, никогда не обходились без жертв. Оркестр исполнял свою траурную миссию, провожая в последний путь однополчан. Агентство ритуальных услуг, как называл его Артурчик или оркестр одного Шопена под управлением автора. В репертуаре оркестра самым популярным был грустный марш Шопена. Его ребята знали наизусть. Это была их работа. Конечно, были и другие поводы в полку, завести оркестр, но гораздо реже. Эта несложная миссия позволяла солдатам срочной службы заниматься чем угодно кроме службы. Главный враг срочной службы – время. Его-то они и убивали беспощадно. Чаще они просто кемарили, плевали в потолок, искали хабарики, мечтали о дембеле, подкалывали друг друга:

– Артур Акопович, зачем вы служите? Какой цели?

- Я служу одной цели, чтобы не служить никому никогда.

- Хорошо, и над чем сейчас работаете?

- Как обычно. Я работаю над тем, чтобы не работать.

...Вспоминали своих несуществующих девчонок:

- Меня такая девочка ждет на гражданке. Лишь бы дождалась.

- Да ладно тебе, никто тебя там не ждет.

- Мамой клянусь!

- Дашь телефон?

- Мамы?

- Девчонки твоей.

- Думаю, это плохая идея.

- Тебе что, жалко для друга?

- Вот именно, что для друга жалко, мы же потом перестанем быть друзьями.

- Если друг оказался вдруг...

...Они считали дни до приказа и курили, если было что, пили, если было что. К слову, чай с Юбилейным печеньем у них был всегда.

Мне нравилось проводить время в этой честной компании. В ней, как и в каптерке было тепло, там сладкий запах паркетной мастики смешался с кислым запахом портянок и все это разбавлено табачным перегаром. В общем, атмосфера была насыщена творческой. В то время я уже неплохо играл на гитаре, и Вася из оркестра даже брал у меня уроки, я бескорыстно передавал

ему свои навыки. Он был после музыкального училища. Правда, в оркестре играл на трубе.

– А, Джимми, привет! Пирожки будешь? – кидал он мне как всегда с порога. Пирожками у духовиков назывались отложения солей в изгибах трубы, которые то и дело надо было из инструмента вычищать, чтобы те не мешали звуку. Я тихо улыбался бородатой шутке.

– Харе парню свои пирожки навязывать, – заступался за меня Паша. – Вовчик, закурить есть?

– Есть, – доставал я трофейные сигареты и угощал всех. Сам я не курил, но старался достать табак, где только мог, понимая, что ребята нуждаются. Вася тоже с радостью прикуривал, и после первой затяжки просил сыграть что-нибудь из репертуара Битлов.

– Как ты так быстро переставляешь аккорды? – пытался Вася поймать мою технику.

– Не знаю, – смущался я комплиментом. – Наверное, дело в скрипке.

– А ну, покажь еще разок, – не унимался Вася.

– Смотри, – не отпускал я из рук гитару. – Все звуки в аккорде должны звучать одновременно. Для этого песню надо сначала учить без пения, в очень медленном темпе. Отрабатывать каждую ноту, и следить за каждым пальцем. Вот так, – сыграл я несколько аккордов подряд.

– Узнал?

– Yesterday.

– Ну да. На, попробуй.

Вася старался, пальцы не слушались, и выходило не очень.

- Нет, не так. Подготавливай руку для смены аккорда немного заранее. Примерно на одну восьмую раньше, чем закончится первый и начнется второй. За это время ты успеешь представить будущее своих пальцев.

- Будущее пальцев, - рассмеялся Артурчик. - Ну ты, Джимми даешь.

- Не мешай профессору, - заступался за меня Вася. - Что там дальше?

- Короче, переносить руку начинай только в самый последний момент. Да, и играй аккорды парами. Следи, чтобы новый аккорд с первой же восьмой прозвучал достаточно ярко, для этого зажимай плотно струны, иначе будут дребезжать. Старайся играть вслепую, не смотри на левую руку. Развивай механическую память и не будешь постоянно смотреть на гриф в поисках нужных ладов. И так тысячу раз.

- Тысячу?!

- Не меньше.

- А ты как хотел? Хочешь стать Джимми Хендриксом - трудись, как папа Карло. В этом деле главное упорство, - заметил Артурчик. - Так ведь, Джимми? Д

- Так, - согласился я.

- Ты сколько часов в день играешь? - спросил он Васю.

- Один-два.

- Мало.

- А Родине кто служить будет, - усмехнулся Вася. Да и рука быстро начинает болеть.

- Вот, рука, говорит, начинает болеть, профессор, - иронизировал Артур.

– Значит, неправильно ставишь руку, – вспомнил я слова своего учителя по скрипке. Тот все время поправлял меня, приговаривая: «как руку поставишь, так музыка и поплывет».

– А у тебя пальцы не болят?

– Уже нет, – улыбнулся я и показал ему свои мозоли на подушечках пальцев. По сути, не подушечки, а задубевший матрас.

– Ну, ты даешь, Джимми, – вздохнул Вася и принялся перебирать аккорды.

– Заниматься музыкой надо так же, как заниматься любовью. Вася, чувствую, ты еще девственник, – снова засмеялся Артур.

– Не твое дело.

– Да ты пойми, гитара, как женщина, чем чаще берешь в руки, тем лучше звучит, – добавил многозначительно Артур.

Я привлек к себе «гитару» и поцеловал в губы. Та красиво увернулась:

– Не хочу.

– Не хочешь быть гитарой?

– Жить хочу, а не играть, – ответила она и снова уткнулась в звезды.

Гитара

– Ты безумна.

– Я знаю.

- Ты невыносима.

- Знаю.

- Временами ты просто мегера.

- Знаю-знаю. Хватит признаваться мне в любви.

- Согласен. Тогда слушай дальше...

Я бросил взгляд на сопки, которые уже подернулись охрой, будто следы солнечных лучей застыли на зеленых холмах, желая еще немного поваляться на мягком коврикe заполярного мха. На сопки можно было смотреть бесконечно, если бы не «Голос Америки», если бы не мой дружок Гришка, который жил в соседнем подъезде. Я с гитарой шел к нему. В отличие от меня, отличника, он был заядлым курильщиком и беспросветным двоечником. Сегодня он опять схлопотал пару, и у меня снова появилась прекрасная возможность сбежать из дома после обеда под предлогом помочь Грише. «Help I need somebody» - промелькнул у меня в голове знакомая строчка, недавно подобранной песни. Вообще Гриша служил отличным предлогом отдохнуть от домашней рутины, будь то помощь по математике, физике или что там мне в голову взбредёт. Его мама Зинаида Михайловна была фельдшером полка морской пехоты, и в их квартире были лекарства на все случаи. Кроме того, дома стоял десятилитровый бутыль чистого спирта, который мы по выходным с Гришей употребляли понемногу вовнутрь, доливая после распития в огромный бутыль воды из-под крана. Спирт был горький, но послевкусие приятным. Сладкий дурман очищал голову от проблем, те отваливались одна за другой по дороге к мечте. Освобождая дорогу мысли, простор для ее танца, походка которой была уже неровной и ей просто необходимо отрываться от земли и лететь. Мечте необходим простор. Это был своеобразный пробел в тексте моей примерной жизни. Музыкальная пауза. Поскольку стихи и музыка, вот что меня занимало больше всего на этой ступени жизни.

У Гриши был пленочный магнитофон «Айдас», подключённый к радиоприемнику. Так как мы жили на границе, западные радиостанции не глушили, как в центральной части страны.

Мы смотрели на бобины, которые медленно крутились против часовой, поворачивая вспять время развитого социализма. От этого вращения веяло чем-то новым, удивительно близким и современным. Эта музыка разительно отличалась от той, что звучала из нашего радио, хотя самые ушлые из советских эстрадных звезд уже тогда брали напрокат популярные западные мелодии. В какой-то момент обороты разбавленного спирта попадали в резонанс с оборотами бобин, и тогда происходило волшебное понимание «загнивающего» капитализма. Хотелось так жить, так петь, так играть. С шестого класса мы слушали в хорошем качестве все западные радиостанции, которые крутили рок-музыку. «Голос Америки», «Рок-клуб» радио Швеции, хит-парад радио Норвегии, которая находилась всего в восьми километрах. Мы знали четко расписание передач и записывали на магнитофон все подряд. На отдельную пленку собирали любимые песни, на другие кассеты записывали новые передачи, стирая предыдущие, так как пленка была в дефиците.

Несмотря на то, что жили мы у черта на куличках нашей необъятной Родины, в Спутнике, мы были на передовой. Хотя название города Спутник в этом плане полностью себя оправдывало, потому что до Москвы и Питера все зарубежные новинки доходили с опозданием на год-два. Ощущение восторга причастия к чему-то новому, невероятному приятно будоражило сознание. Но в каждом запретном плоде была своя косточка... Осознание того, что мы никогда не проникнем в мир, где все есть и все можно, из мира, где ничего нет и ничего нельзя, не давало надежды, но зато рисовало безумно красочные мечты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/rinat-valiullin/ne-hochu>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)